

Sindy Gold

Все бабы дуры

Sindy Gold

Все бабы дуры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570112

ISBN 9785449353665

Аннотация

Женщины такие женщины, даже самые современные и продвинутые хотят личного женского счастья, хотят любить и быть любимыми, а еще желанными и чтоб это было взаимно. Только со своим мужчиной можно обрести это удовольствие и счастье. Две женщины, жена и любовница. На своих ли они местах, с правильным ли мужчиной?

Все бабы дуры

Sindy Gold

© Sindy Gold, 2018

ISBN 978-5-4493-5366-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У нее уже опух нос от елозинья по нему салфетками – как же хреново болеть! Особенно когда некому пожалеть и поухаживать – это самая неприятная сторона одинокой жизни. Хотя по статусу она и не одинока, но в семье – как в пустыне.

А мысли роились одна мрачней другой: почему он не звонит, почему не забегает, ведь она только из-за него притащилась на работу, а его как не было, так и нет.

Дура, полная дура, сколько можно думать о нем и казнить-ся, а он ни тпру ни ну, пора этот мазохизм заканчивать и найти хоть кого-то более сговорчивого и желающего ее как женщину, а не непонятно как кого.

Начальник спрашивает, на что у нее уходит все время, что и в каком процентном соотношении она делает, ну не говорить же, что когда она думает о нем, ничего не может делать. Как выкинуть его из своей головы и не думать и не ждать?

Хоть заморозку сделать что ли? Заморозить все чувства и желания, оставить только рабочее рвение. А у него его хоть отбавляй, бегаёт как заведенный заяц с батарейками из рекламы Energizer. Самой себе противно, как пацанка за ним бегаю и все время думаю. Как его выкинуть уже из своей головы, вижу его и его улыбку, расплывающуюся по лицу при виде меня, понимаю – все не напрасно.

Но ведь как так можно, уже бы сделал хоть какие-то телодвижения, ну он же мужик, в конце концов, я же не могу его ловить вечно, мое терпение может и кончиться, и тогда он пусть катится ко всем чертям со своим холостым статусом.

Хотя при чем тут холостой статус, я-то замужем, просто женщина, всегда женщина, вечно что-то планирует, и холостой более желанен, чем женатый, хотя это такая ерунда на самом деле. Вот я замужем, ну и что, много счастья мне эта замужняя жизнь принесла? Даже будучи замужем хочется все так же любви и тепла, а если его нет в семье, начинаешь смотреть по сторонам и чего-то себе фантазировать и мечтать.

Дура, конечно, дура, но это уже программа, которую надо перепрограммировать, а это, видно, крайне сложно.

Кирилл бередил сознание и был единственным приятным мужчиной в ее окружении, а Алисе нужно было внимание, просто необходимо.

Хотя бы просто, чтоб пожалели, приласкали, и пусть для начала просто взглядом, это тоже немаловажно; как говорит-

ся, доброе слово и кошке приятно, а она сейчас совсем расклеилась, и ей нужно было это доброе слово и это внимание.

* * *

Прошло так много времени, а ничего не изменилось, он все так же бегают, а я все так же жду, что он сделает хоть какой-то шаг, сама пытаюсь, но он не дается в руки, шутит, смеется, прибегает, но не звонит, не пишет сам, только я.

Что ж за Неуловимый Джо попался, мне нужен этот роман, я его хочу. Муж вытягивает все соки, не дает развода, а я не хочу его уже и ничего с ним уже не хочу, было бы куда уйти – давно бы ушла, но идти некуда, слишком это все сложно. Почему не помечтать о красивой благополучной жизни, в которой нет проблем с деньгами, в которой нет каждодневной безнадёги и рутины, а есть место для всяких раутов, приемов, выставок, красивых ухаживаний, красивых романов, сказки. Жизнь полна сюрпризов и любви, только вот как-то мимо моей кассы.

Ладно, хватит мечтать, пора работать. А так ведь хочется, чтоб обнял, поцеловал, прижал к себе, чтоб мурашки побежали по спине, ох, когда мурашки бегали – уже и не помню, поцелуй... как это упоительно и как запредельно...

Если пара не целуется, у них уже нет любви, они могут спать вместе, заниматься сексом, но любовь уже прошла, если вообще была, ведь не все же по любви живут: кто по при-

вычке, кто из-за детей, кто из-за родителей, кто из-за того, что просто некуда идти или страшно, надо за кого-то зацепиться, вот и я так же, не люблю, но живу с нелюбимым и постылым. Это только в кино и романах так легко развестись и все разом порвать, а в реальной жизни все не так уж и просто, видно, простота – это не про меня. У меня всегда и все связано с испытаниями и семью кругами ада, вот пройдешь, тогда и получишь желаемое, ожидаемое, если еще хочешь, а если уже и не очень, то это никого не касается, как говорится, получи, как заказывала, голубушка.

Ведь получаешь обычно, только уже когда расхотела и отпустила своё желание, вот только тогда и получаешь его, как издевку: «Получи и распишись, это ваш заказ». Такое ощущение, что в небесной канцелярии, как и в земной почте, все не так уж благополучно: рук не хватает, и посылки до адресата доходят или с опозданием, или вообще теряются по дороге. Заказывали один размерчик, а получили другой – все как в земных заказах по интернету, картинка хорошая, и ты ее желаешь, а вот при получении все оказывается совсем не так, как виделось, то размер не подошел, то цвет, а то вообще посылку потеряли, и ты даже не знаешь, а было ли это тем, что ты хотела, или пришла, но вся поломанная и погнутая, а я разве этого хотела, разве это заказывала? Конечно, нет, но на земной почте хоть деньги возвращают или товар, а с божественными заказами как быть? Никому не предъявишь претензий. Как я всегда говорю: четче формулируйте

свои желания, т.е. заказы. Вот намечтала себе четко по всем параметрам, вот, может, именно это и пришлют, но не факт, потому что такого, может, в природе не существовать, а кто ж для меня будет это рождать заново, видно, никто, вот и приходится довольствоваться тем, что получила. А иногда все по заказу, как задумывала, а в течение жизни он или ты меняется и не всегда в лучшую сторону, вот и получается, что всего предусмотреть заранее невозможно, нужно быть гибче, наверно.

* * *

Нас окружает много людей красивых и не очень. Я сидела в столовой, кушая и размышляя о человеческой, а особенно – мужской красоте, ведь так много вроде бы симпатичных парней, ведь сначала взгляд падает именно на симпатичного молодого человека, и нравиться хочется именно симпатичным людям, но вот тут-то и кроется подвох, красота бывает разная, иногда мужчина может быть красив как Бог, но взгляд не светится. Он как кукольный Кен – дружок куклы Барби – красивый, но пластмассовый, от него ни тепла, ни холода, хорошо, если улыбнулся, а чаще всего его взгляд направлен внутрь самого себя и он вокруг ничего не видит. И его красота пуста, к нему не тянет, ты можешь как бабочка на огонек лететь на его красоту, но когда не получишь никакого импульса в ответ, быстро откалываешься, падаешь,

и вот в этот момент тебя может подхватить, может, и не слишком красивый, но живой мужчина, женщине от мужчины нужна теплота, искра, импульс сексуального влечения, без этого нет контакта. Если искры нет, это может быть максимум дружба, а минимум – вообще ничего, даже в дружбе должен быть импульс понимания, друзья должны быть в общении на одной волне.

Много потухших взглядов у людей, а ведь взгляд – это самый яркий аксессуар и мужской, и женской красоты, внутри должна гореть лампочка, тогда на тебя будут оборачиваться люди, не обязательно улыбаться во весь рот и слыть юродивой, главное, чтоб во взгляде была улыбка, жизнь и работа мысли, все больше и больше пустых взглядов, направленных в глубь себя и ничего не выражающих.

Не за кого зацепится, одежда так подобрана, что хочется отправить на модный приговор, женщины в возрасте сочетают клетку и цветочек, и все это выглядит как домашний костюм, никак не годящийся для работы.

Такие мысли мелькали в моей голове, когда я осматривала огромную столовую, пережевывая свою скудную еду и провожая взглядом заходящих с подносами людей.

Ничего не происходит, жизнь проносится мимо, надо что-то менять или изменить отношение к происходящему.

А вот и он, увидел ее взгляд, загорелся, улыбка засияла на его лице.

– Привет!

– Привет!

– Не занято?

– Нет, для тебя свободно...

– Ты как? Давно не виделись, где пропадал?

– Да все работа, будь она неладна, некогда даже с красивой женщиной пообщаться.

– О, комплимент... Спасибо за красивую.

– Но ведь это правда.

– Да, только я все чаще об этом забываю, а напомнить некому...

Я улыбалась, говоря все это, было так приятно это редкое общение с ним.

Я распускалась как роза под ласковым и ободряющим взглядом, между нами, ничего не было, кроме редкого общения и подобия флирта. Я даже уже мысли оставила о приятном времяпрепровождении с Кириллом, но иногда вот так просто поболтать, не напрягаясь так здорово, это так повышает женскую самооценку. Женщина так устроена: ей время от времени нужен флирт, впрочем, и мужчинам он тоже нужен, просто мужчины сразу хотят большего, а женщине, как правило, хватает и просто флирта, она, как пчела, собирающая пыльцу, летает от цветка к цветку и собирает мед своей самооценки, без этой пыльцы взгляд меркнет, спина сгибается и нет желания что-то делать – жизнь становится скучной и пресной.

Господи, ну почему мужики такие идиоты, почему им

кажется, что женщинам нужен большой, толстый, быстрый, сексуальный? Почему нельзя понять, что нам очень часто нужно просто внимание, просто тепло глаз, просто приятные слова, просто поцелуй при встрече, прикосновение, объятие, и совсем необязательно заниматься безудержным сексом, частенько важно просто поваляться прижавшись в кровати, понятно, что мужчина после таких объятий сразу готов к бою, но мы-то – не всегда. И это не значит, что мы добираем этот пресловутый секс на стороне, просто частенько в обычных бесконечных буднях хочется человеческого тепла и понимания, а не надутых губ и разборок, куда пошла, на кого посмотрела, с кем поговорила.

Мужчины, поймите уже наконец, если вы даете нам все дома, ни одна женщина не посмотрит даже в сторону, потому что женщины не гоняются за длинными ногами, округлыми попами и большими сиськами. Мы просто хотим внимания, а частенько за это внимание приходится расплачиваться сексом, потому что мужчинам он нужен, и это те правила игры, по которым играют женщины в мужские игры...

* * *

Вот и еще год пронесся, наконец-то муж сам захотел развестись, сам об этом заговорил и меня подтолкнул, конечно, потом дал задний ход и захотел вернуться, но не тут-то было: я выдержала его напор и не поддалась, слишком много всего

накопилось, слишком много грязи и мути, каждый раз при любой ссоре это все поднималось из глубин души, и очень трудно каждый раз эту муть оставлять на дне души, тем более каждый месяц возвращались к тому же.

Для чего эти перемалывания и переливания из пустого в порожнее, зачем цепляться за то, чего уже давно нет? Никакие финансы, никакие дети не удержат вместе, если нет главных составляющих семейного счастья – нет доверия и нет любви. Любовь может быть разной, не все люди, особенно в семейной жизни, могут гореть всю жизнь, но любовь, как правило, трансформируется в уважение, в дружеские отношения, а если есть вечное недовольство и давление со стороны одного из супругов, то в конечном итоге пружина раскроется и выстрелит в голову тому, кто оказывает это давление.

Вот и моя пружина разжалась, и обратно ее уже невозможно было сжать, потянулись долгие разборки, вытягивание жил и нервов, но как все заканчивается, так закончилось и это. Я ожидала долгого житья в таких невыносимых условиях, но оказалось все гораздо проще: в один из дней он просто не пришел ночевать, забрав часть вещей, ничего мне не сказав заранее, а потом уже приехал на выходные забрать коробки, которые я ему собрала, ну естественно, прихватив то, что я ему не положила, всякие мелочи, но которые потом еще долго раздражали своим отсутствием и тем, что пришлось покупать все новое, хотя это был приятный

момент: покупка новых нужных мелочей, привнесла приятную отдушину в мою немного однообразную жизнь.

Ну вот и желанный развод, бумаги на руках, какое счастье, какое облегчение, свобода, ура!

Много ли женщин так радуются свободе, ведь многие боятся остаться одни, а ведь что такое одна? Ведь если живешь с нелюбимым, неинтересным тебе человеком, ты тоже, по сути, одна, ну да, у тебя есть сосед по квартире.

Но в этом случае приятнее завести собаку или кошку – они и то намного больше радуются твоему присутствию, и вроде как поговорить есть с кем, не сама с собой, и заботиться есть о ком, если уж нет ребенка.

Хотя думаю, женщины должны рожать при любых условиях, с мужчиной или без, иногда даже так проще, да, может, в финансовом смысле сложнее одной и помощь в плане бабушек не у всех есть, но с другой стороны – никто мозг не будет выносить, что ты сделала или не сделала со своим ребенком, хорошая ты мать или нет. Это счастье, когда отец и мать живут всю жизнь вместе и воспитанием детей занимаются вместе и все гармонично, родители должны любить друг друга, тогда и дети будут счастливыми, но, к сожалению, в современном мире все меньше и меньше гармоничных пар с одинаковыми семейными ценностями, а дети становятся мини-киборгами, подключенными к компьютерам, телефонам и всяким другим гаджетам, родителям так проще: есть чем занять ребенка и можно не отвлекаться от сво-

их взрослых дел, хотя, как правило, их взрослые дела тоже крутятся вокруг параллельного мира.

Многие от одиночества, а кто от скуки и от желания занять свою однообразную жизнь, ныряют с головой в интернет-пространство, ведь там час может раствориться за одну минуту, только вошел – и уже час пролетел, а никто и не заметил.

Интернет-пространство заглатывает в одну секунду, вот я зашла полайкать фотографии своих знакомых, а уже читаю заинтересовавшую статью в неизвестном пространстве, как туда зашла – и сама понять не могу.

Моя жизнь менялась и интернет-статьи тоже интересовали разные, и рекламные баннеры мне услужливо подсовывали нужную информацию. Здравствуй, свобода, прощай, замужняя жизнь с ее оковами и слежкой, я ведь раньше даже в соцсетях не могла переписываться, так как была под пристальным оком ревнивого мужа, а сейчас из принципа ничего стирать и прятать не буду, теперь никто не полезет в мой телефон, смотреть кому я звонила и кто звонил мне, с кем я переписывалась и на кого смотрела. Какое же это счастье: ни перед кем не надо отчитываться и волноваться, что мой ответ не совпадает с его представлениями о честной жене. Я могу говорить и делать что хочу, не задумываться над своей интонацией, когда отвечаю на телефонный звонок. Я вышла из заточения семейной жизни, и это настоящий кайф.

Как будто срок отмотала, так мне этот брак поперек гор-

ла уже встал: как оказалось, я люблю свободу, и быть под постоянным пристальным надзором – это явно не мое. Наверно, общество должно пересмотреть свой взгляд на семейные ценности – слишком много соблазнов за пределами семейных уз, и многочисленные разводы этому доказательству. Наверно, в головах людей что-то должно произойти, чтоб как-то легче и проще все стали относиться к недостаткам и слабостям друг друга, и тогда, возможно, совместное проживание мужчин и женщин станет более приятным и гармоничным. Сейчас я, естественно, и думать не хочу о каких-то других отношениях или о другом браке, но жизнь берет свое и этого точно захочется в какой-то момент, и возможно, очень скоро, так как клин клином вышибают и надо одно лечить другим.

Свободна! Я свободна!
Как много в этом звуке!
Как много в этом вздохе!
Я так ждала ее,
Вот, наконец, случилось,
И все произошло.
Ты отпустил постылый,
Ты отпустил несчастный,
Ты отпусти, и отпущу и я.
Оковы сброшены.
Свободная?!
Кричу я в пустоту.

Не верится – поверится.
Все сбудутся желания,
И выйдет по-моему.
Я не могла мечтать,
Я не могла летать.
Ты не давал парить
И не давал желать.
Теперь я все сама,
Теперь я все одна.
Взметают мысли ввысь,
Пристегнута, держись!
И вот уже парю
И кайф я свой ловлю.
Прощай и не сердись
И за свое держись.
А я уж далеко —
Взметаю высоко.

Вот такой стих родился после того, как я наконец-то обрела свободу, а ведь когда-то я писала стихи, а в этом браке не написала ни строчки, он задушил все мои порывы в зачаточном состоянии.

Я не пела, а когда-то ведь пела и хорошо пела, не писала стихи, а вот обрела свободу – и сразу написалось от счастья, вот так бывает, для счастья нужно расстаться и отпустить, а не только найти.

Я нашла и обрела саму себя, а это много значит, гораздо больше, чем встретить другого человека, сначала надо полю-

бить саму себя, а любовь придет, если суждено.

* * *

Я сидела, глядя в окно, как же много прошло времени с тех пор, я никак не могла вспомнить, в каком месяце это было, было лето или весна – все смешалось.

Смешно, когда-то это так много значило, когда ушел, когда пришел, а что же сейчас?

Сейчас уже ничего не имело значение: ни его взгляд, ни его улыбка, ни его мысли, ни вообще он сам – все прошло...

Как же легко дышится. Я больше не больна им, я больше не вздрагиваю при встрече с ним, мне просто уже все равно. Казалось бы, этого не может быть, ведь так просто ничего не проходит, должны оставаться какие-то ниточки, связывающие двух людей, которые когда-то любили. А любили ли?

Может, мне все это просто привиделось, хотелось просто приткнуться к чьему-то плечу, почувствовать себя нужной, любимой, понятой, в конце концов, ан нет, ниточки оборвались и больше ничего не держит и не тянет.

Его присутствие и общение с ним скорее раздражает, теперь так много чего не нравится, и даже если мы поговорили нормально, все равно это не считается, зато считается, когда он просто не попадал в мои ноты, в мое настроение, а это слишком часто, слишком разный взгляд у нас на вещи, слишком разный подход к жизни, к работе, к отношениям.

Почему, когда влюблена, не видишь этого, не чувствуешь?

Считаешь, что он похож на тебя, он такой же, как ты, но на повестку дня это вообще не так, крайне редко люди совпадают, и тем более крайне редко они совпадают во всем. Это было не в этом случае, было немного грустно, но в то же время это был определенный опыт, за который тоже надо быть благодарной, опыт накапливается, а обычного женского счастья почему-то слишком мало в этой копилке. Опыта гораздо больше. Разного, этот еще не самый болезненный, этот скорее опыт равнодушия на фоне кажущейся привлекательности друг другу.

Вдруг зажегся огонек в телефоне, означающий, что пришло сообщение из ОК.

Было любопытно, кто же это, что-то как-то давно не писал никто из друзей. Адресант был неизвестен, но сообщение было не банальным приветом и не парой слов, что уже интересно. Посмотрев фотки, я все-таки решила ответить, любопытство победило, да и мужчина был вполне симпатичным, хотя мужчина был явно семейным, но какая разница, не замуж же зовет, а просто пообщаться. Слово за слово завязался очень интересный разговор, я сама не заметила, как рассказала о себе то, что уже давно и никому не рассказывала, он явно флиртовал, но ни на чем не настаивал, хорошо умел слушать и направлять на нужные темы. Не заметив, я раскрылась, как ни перед кем не раскрывалась, тем более после своего мужа, который вынул всю душу, которая все еще

болела и была изранена ненужной откровенностью, которую потом переваривали и выдавали в другом свете.

Я постоянно была начеку и ждала того же самого от Саши – так звали нового друга по переписке.

Я очертила круг, поставила барьеры, он был женат, и я не хотела даже начинать что-либо, но он меня так увлек общением, что я согласилась просто встретиться и пообщаться за чашечкой кофе. Он был удивлен, что я все-таки согласилась, и несказанно обрадован.

Женщины такие женщины, они непоследовательны в своих отказах и запретах. Да – это не всегда то, что думает мужчина, а нет – это не всегда точный отказ, иногда это «возможно», «попробуй уговорить», но мужчины нас частенько воспринимают очень буквально.

Мы встретились в одном из кафе, чтоб было удобно обоим добраться. Отправляясь на встречу, я ни о чем особо не думала, встреча и встреча, даже не волновалась совсем, как обычно перед свиданием.

Он был таким солнечным и притягательным, что я дала сразу поцеловать себя в щеку. Для меня это было как-то странно, он постоянно сметал все мои барьеры, и я пропускала его все дальше и дальше, сама того не замечая и уже не сопротивляясь этому.

Мы говорили, при этом поедая десерт, который мы оба выбрали у витрины, он был сладкожкой, как, впрочем, и я. Мне это нравилось, приятно, когда мужчина любит сладкое,

значит в нем еще не погиб ребенок, все мои мужчины либо не ели сладкое, либо ели его в минимальном количестве.

Мы расправились со сладким и кофе и пошли к машинам, надо было разъезжаться, а так не хотелось. Мы сели на заднее сидение и наши губы уже встретились в поцелуе, мне хотелось прикоснуться к его груди, она была упругой и накаченной, спортивная футболка красиво обтягивала соблазнительный торс, поцелуи были приятными, со вкусом кофе. Это было всего лишь первое знакомство, мы не стали увлекаться и активничать, попрощались и разъехались, каждый в своем направлении, со своими мыслями и переживаниями.

* * *

Мы продолжали общаться каждый день, это общение полностью захватило меня, ведь так давно ко мне никто не проникал в душу, не интересовался мной как человеком и, конечно, как женщиной.

Саша проникал все дальше и дальше, хотел увидаться, но ему надо было улетать в командировку, перед этим я отказалась встречаться, хоть соблазн был сильным, но я не хотела, чтоб со мной занялись сексом, а потом забыли, или не хотела ждать, что же будет потом, лучше это сделать после возвращения.

А секс будет, в этом уже никто не сомневался, разговоры были крайне откровенными и не оставляющими даже мысли

сомневаться, чего мы хотим друг от друга, но мне все равно хотелось любви, быть любимой и любить, а не просто банального секса. Я еще внутренне сопротивлялась, тем более тут не могло быть никакого развития событий, ведь Саша женат, о жене говорит хорошо и бережно, есть дети, все замечательно, кроме, наверно, секса, но он не хочет просто секса, он тоже хочет любви и заняться любовью, меня это сбивало с толку, когда женатый мужчина хочет секса на стороне, которого ему не хватает дома, – это одно, но когда он хочет любви и занятий любовью, – это не вписывается в стандарты обычных измен, а чего уж тут говорить, это измена, и можно сколь угодно витать в облаках, но если называть вещи своими именами и не врать себе, это именно так звучит.

Прошла неделя его командировки, наши разговоры не прекращались и не останавливались, хотя я думала, что ему будет совсем не до меня в поездке.

Наши разговоры были очень откровенны, я все глубже и глубже впускала его в свою душу и была уже голой и обнаженной перед ним, хотя мое тело было еще прикрыто одеждой, и его только предстояло открыть.

Он уже просто дымился от желания меня видеть, я думала дать ему денек, чтоб после дороги отдохнул, выспался, но он захотел встретиться в день прилета.

Я ждала и боялась этой встречи: а вдруг мне не понравится, меня захватывало волнение так, что мне пришлось выпить успокаивающие капли, я ехала, и мое сердце сильно

колотилось, как у девчонки перед первым разом, это было очень волнительно, даже немного страшно, и вот мы закрыли за собой дверь квартиры, которую сняли на несколько часов.

Он подхватил меня на руки и просто поцеловал, долгим поцелуем, так что я просто обмякла и сразу успокоилась как по мановению волшебной палочки, мне стало хорошо и приятно в этих сильных объятиях, и меня перестало трясти.

Мы приняли быстрый душ и снова оказались в объятиях друг друга.

Саша бережно положил меня на кровать и стал целовать меня всю, это было так нежно и сладостно, как будто я самая желанная женщина на земле, я потеряла голову, она улетела в безоблачные дали, внизу взрывалось тело от оргазмов, слезы текли по щекам от избытка чувств. Его восставшее естество было во мне, и это было незабываемо, как будто мое лоно ждало только этого мужчины и только он знал, как доставить удовольствие, куда нажимать, что целовать, это было просто волшебно, я никогда не занималась именно любовью, и я поняла, что это именно оно.

Он выполнил свое обещание, и это не банальный секс, это именно занятие любовью, хотя мы вроде еще не любили друг друга, но наши тела уже исполняли свой танец любви и нежности, к которому наш мозг, наши мысли не имели никакого отношения.

Когда душа вернулась в мое тело, я стерла слезы с глаз, которые светились огнем счастья и любви, эндорфины в мо-

ей голове исполняли танец с факелами, и этот свет отражался в моих глазах. Я уже любила этого мужчину за то, что он сделал с моим телом и душой.

– Тебя разве можно не любить?

– Ну миллиарды людей на земле не любят меня, – ответил Саша с улыбкой.

Крепость пала и засыпала меня камнями, я лежала и совсем ни о чем не думала, такое тоже бывает, оказывается, с женской головой, которую удовлетворили на все сто.

Попрощавшись с Сашей, я пребывала в такой эйфории, что не удержалась и позвонила подруге, которая знала про мое свидание, пыталась меня успокоить перед ним.

– Линка, это было волшебно, мы занимались любовью, как я давно хотела и мечтала, это было незабываемо, просто восторг, он просто восхитителен, а уж там у него все такое большое, вообще он весь большой, но мне подходит, мой размерчик. – Я смущенно захихикала. – Это просто один сплошной восторг, у меня нет слов, одни эмоции!

Я просто фонтанировала этим счастьем и обуревавшими меня эмоциями, которые не могла удержать в себе, мне нужно было этим поделиться, и Линка порадовалась за меня и поняла мои эмоции, разделив и выслушав мой сбивчивый и восхищенный бред восторженной женщины, потерявшей голову от мужчины.

Мы стали встречаться каждую неделю, и это не надоедало и занятия любовью были все так же остры и вкусны, каждый раз по-новому, а после того, как наши тела насыщались, мы в объятиях друг друга начинали разговаривать обо всем на свете, и это было не менее приятно, чем заниматься любовью, ведь это уже было насыщение душевно-интеллектуальное, а ведь так тянет поболтать после того, как тело удовлетворенно.

Наши тела обнимали друг друга, как бы сплетаясь, и ничего не мешало, хотя Саша был совсем не маленьким, мне была приятна эта тяжесть и упругость и не хотелось выпутываться из этих объятий, хотелось так лежать и наслаждаться этими прикосновениями и поглаживаниями, поцелуями и покусываниями. Это было нежно и игриво и никогда не надоедало.

Мы потихоньку открывали чувственные уголки тела и души друг друга, если что-то было непонятно, мы не боялись спросить, ведь только так можно понять, хотя поначалу все страшновато, но все-таки мы это делали, выясняли и докапывались до истинных причин того или иного поведения и стали еще лучше понимать друг друга, еще лучше чувствовать.

Мне было легко и весело, в голове крутились слова песни Саруханова «Это не любовь». Я понимала, что влюблена, но это не любовь, любовь у меня всегда протекала более сложно, я всегда знала разницу, но это не любовь – твердила

я себе – это влюбленность, если бы это была любовь, я бы уже просчитывала, как мы живем вместе, но со мной этого не происходит, я даже не уверена, что хочу с ним этого, я просто наслаждаюсь нашими встречами, мне хорошо, я летаю и сияю и ни с кем не хочу этим делиться, я даже Линке перестала обо всем рассказывать, потому что счастье не выносит суеты, оно любит тишину. Я смакую каждую нашу встречу, мысленно перебираю каждое мгновение, как четки.

Как-то мы переписывались, как обычно рассказывая друг другу о своем дне и каких-то делах. И я поняла, как люблю его, именно люблю, это отличается от всего, что было раньше, это чувство не похоже ни на какие другие мной уже пережитые чувства, эта любовь меня не душит, и я его не душу ей.

Мне просто хорошо, я счастлива, я не страдаю и не боюсь потерять его, может, самую малость. Я вдруг это поняла и даже не испугалась, это было как само собой разумеющееся, просто я не хотела себе в этом признаться, изначально я гнала эту мысль, что это все-таки любовь, которую я ждала и которой страшилась, ведь без любви гораздо проще, мысли и эмоции не захлестывают, ты не попадаешь в плен своих эмоций, ты независима, как в любовном угаре, до сих пор любовь была болезненным чувством, и я страшилась ее намного больше, чем хотела.

Но в этот раз все было по-другому: чувства хоть и захватывали, но уже не было боли, уже не было зависимости

от объекта любви, была чистая любовь, не приправленная специей боли и саморазрушения в угоду любимого.

И я понимала, что мы одно целое, он так же любит меня, как и я его, я не произнесла этого, вслух и он не произнес, но я чувствовала, что это так, я это ощущала всем своим существом – так одинаково мы все переживали и чувствовали и в постели, и в жизни. Наши тела и мысли постоянно сходились и пели в унисон, это было необычно и странно, но так восхитительно и сладко было этим наслаждаться.

– Я соскучился и хочу тебя, – высветилось на экране телефона. – И я тебя обожаю.

– А я тебя люблю, – ответила, но поняла, что больше не хочу молчать, я должна это сказать, ведь о любви надо говорить, когда не можешь держать это в себе или когда хочешь знать точный ответ на свой вопрос. Мне не так важен был ответ, в душе я знала ответ, хотя на мгновение испугалась, что ответ не совпадет с моим, но я поняла, что ничего страшного не произойдет, я уже вполне эмоционально устойчива, чтоб выдержать еще одну нелюбовь, но все мои чувства говорили, что я не могла ошибаться.

– И я ведь тоже!

Салют радости заполнил мой одурманенный от счастья мозг, он меня тоже любит, тоже! Значит, меня можно любить, значит, я достойна любви, я люблю и любима, и вот оно счастье, которого я так ждала и которое все время ускользало от меня.

Послала целующий смайлик в ответ, не зная, что говорить от счастья, клокочущего и извергающегося из моих глаз слезами радости.

– А я тебя всю.

– Ммм, это здорово.

– Хочу!

– И я тебя.

* * *

Дверь открылась, Инга вошла в квартиру, все было как обычно: разбросанная обувь, вещи, посуда, – как же это достало уже! Зазвонил телефон, звонил Саша:

– Алло, привет!

– Привет, милая, я задержусь, у меня тут работы привалило, а потом качалка. Все нормально?

– Да, мой хороший, если не считать бардака, который оставили наши дети, все прекрасно. Ты не знаешь, где они?

– Карин, наверно, на работе, Эрик на тренировке, все как всегда.

Да, все как всегда, почему же так муторно на душе, почему хочется завуть и все раскидать, а не наоборот – бегать и собирать, складывать, мыть. Как же я устала от всего этого.

Инге было 43, мужу 44, они знакомы с юности, он был ее первым и единственным мужчиной, она даже и не смотрела ни на кого больше, ведь он такой настоящий, за ним как

за каменной стеной, он всегда поможет, приласкает, ответит на все вопросы и решит все проблемы. «Таких уже не делают», – частенько говорила ее мама, которой он тоже всегда помогал, когда было нужно, и никогда не отказывал, и не сердился, что его потревожили. Ее семья села ему на шею и свесила ножки, он всегда решал все проблемы, и даже если она понимала, что он злится, он этого не высказывал никогда, она уважала его за это и любила еще больше.

Но она не давала ему то, чего он хотел, хотя понимала, что ему это нужно, она умирала от оргазма, когда у них доходило дело до занятий любовью, он был искусным любовником и всегда доводил ее до экстаза, но ей не хотелось это повторять вновь и вновь, как ему. Она не могла понять, что с ней не так, но ее тело молчало и противилось, она думала удовлетворять его без своего желания, но не могла насиловать себя, да и Саша видел ее нежелание.

Они обращались к врачам, покупали всякие штуки для разжигания женского либидо, но желание не приходило. По молодости все было более приятно и сладко, а после рождения двух детей желание вообще покинуло ее, и она крайне редко соглашалась на интимную близость, хотя Саша был так же нежен и предупредителен, как и раньше. Сначала Саша еще настаивал на близости, потом все меньше и меньше, постепенно она сошла почти на нет, ее это, естественно, устраивало, ей и не надо было, а надо ли Саше или нет – ее эта мысль даже не посещала, раз ей не надо, то и ему уже,

наверно, не надо.

Телефон опять завибрировал, пришло сообщение от Стаса, ее бывшего одноклассника, он разыскал ее совсем недавно в ОК и рассказал, что собирается репатриироваться через месяц, спрашивал, как обстоят дела в Израиле, задавал кучу вопросов, на что-то она отвечала, на что-то – Сашка. Пытались помочь как могли, он ни о чем не просил, но они сами с удовольствием помогали и позвали к себе перекантоваться первое время.

Стас недавно развелся, бывшая жена и дочка оставались в их общей квартире, а он решил репатриироваться и начать новую жизнь на исторической родине. Вспомнил про Ингу, которая когда-то так нравилась ему, но она даже не догадывалась о его увлечении, он никогда не показывал свою симпатию, а она была холодна и отрешена, как звезда на небе, возможно, это ему и нравилось, что она такая недоступная, как муза. Он посвящал ей стихи и песни, но время проводил с более сговорчивыми девчонками, в которых не было отказа у обаятельного и симпатичного Стаса, ему все всегда давалось легко и весело, и мысль, что надо приударить за Ингой, даже не посещала его, он издали наблюдал за ней, но никогда не пытался сойтись с ней поближе, она была недостижимой мечтой, и не хотелось этот образ разрушать.

Его тайная мечта, незыблемая и недоступная. Он женился, родилась дочка, мысли и мечты о ней не мешали в его обычной жизни, она была далеким образом, от старых дру-

зей и одноклассников знал о ней все и в любой момент мог найти через соцсети. Он стал хорошим ресторатором, ему всегда хорошо давались связи и общение, в легких, не обязывающих ни к чему разговорах, завязывались вполне тесные бизнес-проекты, а его сеть ресторанов была нацелена на хорошую кухню, высокий уровень обслуживания.

При всей легкости в общении он очень хорошо разбирался в людях и всегда знал, кого куда поставить и кто с кем ладит или нет, он, как умелый кукловод, дергал за ниточки своих марионеток.

Израиль – лишь новая платформа для его новой жизни и новых проектов, ему хотелось освоить что-то новое, и он был уверен, что люди – они везде люди, и Израиль не исключение, даже с другой спецификой общепита. Все равно все завязано на людях, с которыми он вполне умел договариваться.

* * *

Он признался ей, какое же это счастье наконец-то сказать любимой женщине, что любишь ее. Он с первой минуты их знакомства понял: это она, его женщина, он услышал этот древний зов, древней женщины, она сопротивлялась своей природе, она не верила, что он – ее мужчина, но когда он вошел в нее и ее глаза наполнились слезами, он понял, что она чувствует то же самое, что и он.

Её тело признало его, ни ее сердце, ни ее душа еще не отвечали на этот призыв, но он знал, что это произойдет, слишком явным был этот древний первобытный зов, она тоже это знала, но сопротивлялась этому знанию, только ее тело приняло его сразу и безоговорочно.

Он долго шел к этой своей женщине, и сейчас он не свободен и вряд ли когда-нибудь освободится. Он любил Ингу, не так как Алису.

Инга была соратником, другом, но не его женщиной, которой он бы хотел обладать постоянно, как Алисой. Инга была трезвым выбором под действием обстоятельств, она была его первой женщиной и матерью его детей, но она никогда не отзывалась на его ласки, как это делала Алиса, даже в начале их отношений Инга была почти холодна, что бы он ни делал. Она оргазмировала, он видел это, но это было как-то отстранено, только физически, как будто нехотя, как будто не веря, что это происходит с ней и ее телом.

Он так и не смог разбудить в ней женщину, как ни старался, а после рождения их сына она вообще потеряла всякий интерес к занятиям любовью, а он не хотел ее заставлять, сначала еще как-то пытался достучаться до нее, но потом просто устал унижаться и просить.

Он долго боролся со своей неудовлетворенностью и нежеланием жены его удовлетворять и исполнять свой супружеский долг, пока однажды на одном из корпоративов к нему не подошла его коллега, слегка подвыпившая, но не пьяная,

и попросила подвезти ее до дома.

Он, естественно, согласился, они приятельствовали, и ему было по дороге. Когда они подъехали к ее дому, она позвала его выпить кофе, он хотел ехать домой, но случайно взгляд упал на ее расстегнувшуюся блузку, посмотрел на ее призывный взгляд и не смог отказать.

Ее муж и дети гостили у родителей, дом был пуст, как только дверь захлопнулась за ними, она потянулась, чтоб включить свет, ее качнуло в его сторону, и дальше случилось неизбежное: одежда слетела с них обоих в мгновение ока и он овладел ей прямо на коврикe рядом с дверью.

Это так поразило его, ведь до своей жены он не знал ни одной женщины и не понимал, как могут себя вести другие женщины, желающие секса и жаждущие этого именно с ним, он не видел себя со стороны и не понимал, как он привлекателен для женщин.

У него были пепельные волосы с проседью, аккуратная стрижка на прямые и густые волосы, очень подходила его лицу, темно-серые глаза, когда он сердился, они становились еще темнее и жестче, взгляд мужчины.

Он всегда занимался спортом и был атлетически сложен и накачен, высокий рост. С того раза он открыл для себя желание получать плотское удовлетворение, его мучила совесть.

Сначала он больше не хотел видеться со своей коллегой, она тоже не изъявляла желание превратить это приключение

в полноценный роман, но он стал искать ту, кто этого захочет и будет приятна ему, он не хотел одноразовых отношений, ему нужна была любовная связь, которая бы удовлетворила все его потребности и желания во всех смыслах, было несколько романов, которые заканчивались не очень приятно, но не выходили за рамки тайной жизни.

И вот в его жизнь вошла Алиса, она не была похожа на остальных женщин, которые тоже были пылкими любовницами, и их он тоже любил и хотел, но Алиса была другая, умная, красивая, трепетная, ласковая, страстная – она понимала его во всем, их тела двигались всегда в унисон, даже не надо было думать, она все чувствовала и ощущала так же, как и он.

Ни с одной женщиной, ни тем более с Ингой этого не было, с женой вообще мало что было в чувственном плане, хотя он любил и жалел ее как мать его детей и как лучшего друга, ведь с ней они прожили так долго и понимали друг друга с полуслова, но их тела никогда не говорили на одном языке, и это уже невозможно было изменить.

Он ревновал Алису к ее свободной личной жизни. Никогда и никого он не ревновал, а ее – да, конечно, не как Отелло, нет, это было чуждо ему, он уважал ее, но в то же время ему хотелось обладать ей и ее временем, чтоб она принадлежала ему вся без остатка. Когда она начинала болтать и рассказывать что-то, он почти не слышал ее, хотелось только целовать, обнимать, прижиматься и лежать ни о чем не думая.

У меня было свободное время и меня просто затянуло в магазин, ничего особенного мне там не нужно было, но уже весна, почему бы не посмотреть на летние вещи. Зайдя в магазин, я окунулась в яркую палитру цветов: тут был и желтый, сиреневый, розовый и зеленый, как же долго я ждала этого разноцветья. На вешалках магазинов ведь последнее время были какие-то убогие цвета и никакой яркости в одежде, а я очень люблю разноцветье, терпеть не могу только черно-белые и серые вещи, мне нужна яркость, это радует глаз и дарит настроение. Спасибо дизайнерам, что наконец-то повернулись к цвету лицом и увидели, как много на свете красивых и ярких красок.

Еще в детстве я любила рисовать акварелью, выводя именно цветы, мне нравилась свежая краска, переливающаяся на солнце разными бликами. Сидя на подоконнике в своей комнате, я самозабвенно водила кисточкой по белому листу альбома, раскрашивая его в разные цвета. Для меня белый цвет – это белый лист, поэтому в моей одежде очень долго не было белой одежды, стены моего дома раскрашены в разные цвета, белой поверхности я не приемлю, она обязательно будет раскрашена в какой-нибудь другой цвет.

Хотя уже сейчас я стала покупать белые рубашки или белые брюки, но они все равно разбавляются и добавляются

вещами другого цвета. Последнее время для меня стала актуальна тельняшка, очень захотелось полосатую майку иметь в своем гардеробе, ведь она так хорошо сочетается с джинсами, с обычными брюками и даже с юбками, правда, их я не очень жалею, максимум – длинные юбки до пола, так удобнее и силуэт какой-то более женственный и романтичный.

Порадовавшись разноцветию, начала выбирать то, что хотелось бы померить, набрав несколько платьишек и кофточек, отправилась в примерочную.

Примерив все, я поняла, что ничего не возьму, но это и не было моей целью, главное было просто присмотреться к тому, что сегодня есть в магазинах, зарядится этой энергией. Как говорится: зыринг, а не шопинг, посмотрела, примерила и можно, и домой.

* * *

Инга брела вдоль магазинов, вокруг было разноцветье витрин, люди бежали по своим делам, спешили и обгоняли, но ее это не сильно интересовало, она была глубоко в своих мыслях. На душе было как-то муторно.

Сашка последнее время все время занят и какой-то другой, немного отстраненный и витает в облаках, говорит, что работы много, не знаю, может, и так.

Скоро Стас приезжает, как-то тревожно, в связи с этим,

конечно, их дом привык к наездам разных гостей: то родители приедут, то брат, то друзья очередные.

Инга любила, что у них хлебосольный дом, и Саша никогда ничего не говорил против, он тоже с удовольствием принимал гостей и помогал Инге по хозяйству. Но Стас – это немного другая история, она сама его не настолько знает.

Да, их объединяет общая школа, общий город детства, общие друзья, но она знакома с ним издалека, они только однажды были вместе на одной вечеринке, и там она почувствовала его интерес к ней как к женщине, она не думала об этом никогда, но сейчас вспомнила этот момент.

Их собрала одноклассница Зоя Кудрявцева, собрала практически весь их класс, естественно, и умница Инга тоже попала в список гостей. Инга не была особо популярна в школе, но в то же время она была отличницей, и с этим считались и не гнобили, как это водится в школе, у них был вполне дружный класс, и они частенько собирались все вместе или отдельными компаниями. Класс уже был выпускной, время для влюбленностей, поцелуев и объятий. Было ли большее – никто не делился в общей тусовке, только самым близким.

Ингу этот вопрос не интересовал, за ней никто из парней не ухаживал, и она как-то была холодна к этому вопросу, она слышала перешептывания одноклассниц и подруг, но сама не высказывалась, ее больше интересовала учеба и как она закончит этот последний год в школе, потом отъезд, все было уже решено и ее это страшило, куда поступать в новой стра-

не и как, если она почти не знает языка. Она начала ходить на уроки иврита в Сохнут, но язык был непростым и не давался так просто.

Инга сидела в сторонке, зазвучала медленная музыка, и краем глаза она увидела, что Стас движется в ее направлении, он был очень популярным парнем, не только в их классе, но и вообще в школе, он был очень активным, с хорошо подвешенным языком, умел со всеми договориться, высокий, черноволосый, черноглазый. Многие девчонки вздыхали по нему, он тоже одаривал своим вниманием многих, но с кем точно встречался – было не понятно, хотя частенько с вечеринок уходил то с одной, то с другой, но обиженных девиц не было, никто ни с кем не ссорился по его поводу, и подробностей их связи тоже никто не рассказывал.

– Привет! Танцуешь? – нагнулся Стас над Ингой, ее обдало жаром от его насмешливых глаз, ее никто и никогда не приглашал на медленные танцы, она к этому привыкла и скорее удивилась этому вниманию, да еще от самого популярного парня, она даже не была уверена, что он помнит, как ее зовут, в школе ее звали больше по фамилии.

– Да, танцую, – подала Инга ему руку и посмотрела прямо в его глаза.

Он обнял ее за талию и вывел в середину танцевальной площадки, вокруг уже топтались такие же парочки. Его рука легла выше талии, расположилась на спине, в комнате был полумрак, она чувствовала его прикосновение к ее спине,

было тепло и приятно в его объятиях и не чувствовалось неловкости, хотя она раньше и не танцевала с мальчиками, только с папой и братом, но это немного не то.

Вторая ее рука лежала в его ладони, он перебирал ее пальцы, это было так нежно и приятно, побежали мурашки от руки.

В этот момент ворвался Вовка Климов и закричал:

– Ребята, наших бьют, все побежали во двор!

Воспоминание пронеслось в голове у Инги, насколько она помнила, больше они со Стасом так близко не сталкивались, и другие события жизни затмили это воспоминание. Она незаметно для себя свернула на свою улицу, даже не заметив, как прошла этот путь от центра города до ее дома, мысли и воспоминания теснились в голове. Как они уживутся эту неделю все вместе? Надо будет показать страну Стасу, помочь с документами, с поисками квартиры, в принципе они уже сейчас потихоньку начали подыскивать ему варианты, возможно, что он вообще пару дней перекантуется у них и сразу въедет в новую съемную квартиру.

Думаю, все будет хорошо, хотя определенное волнение было. И какая-то даже тревога, как перед началом какого-то нового приключения или путешествия.

Инга много путешествовала с семьей, но каждый раз сердце замирало перед такими путешествиями, вот и сейчас было такое же ощущение, но, может быть, более тревожное, непонятное.

«Доброе утро и классного дня, Лисуня!

Вижу, улыбка озарила уже тебя сегодня! Этому миру стало намного светлее от нее! У тебя получается быть альтернативным источником радости! Но и тебе желаю сегодня радостных событий и кучи поводов для улыбки! Замечательного настроения! И громадную кучу моих вкусных поцелушек и теплых обнимашек!»

Подобные сообщения Алиса получала каждое утро от Саши, она просто купалась в лучах его позитива, улыбки и любви, это такое счастье, когда любишь и любима.

«Доброе утро, нового дня, Алиса! День уже проснулся? Захватил и закрутил?! Дела уже спорятся в умелых ручках? А настроение вооружилось улыбкой? Значит твое сегодня будет записано как еще один успешный день!!! Тогда улыбки твоему настроению! И море поцелушек!»

«Доброе утро и замечательного сегодня, Лисуш!

Поздравляю тебя с хорошим настроением! Обогатилась улыбкой? Вот и я дарю тебе лучи приятных пожеланий! Не жадничай, делись с миром! Ему точно нужна твоя улыбка! Освети его! И пусть у тебя сегодня все получится!

Классного дня! Море поцелушек и обнимашек!»

«Доброе утро и замечательного сегодня! Успел соскучиться! Накопилось куча неотданных улыбок и хорошего настроения! Поэтому отдаю с лихвой! Так что зажигайся на здоровье, надеюсь, не переборщишь. Великолепного сегодня! Чудного настроения! И много поводов для улыбки! Целую и обнимаю!»

«Приветики-приветики!

И самого доброго утра! И еще одного замечательного дня твоей жизни! И неважно, что небеса хмурятся и солнце сегодня в отпуске. Встань на смену.

Займи свое место! Свети всегда! Свети везде! И тогда нам точно ничего не страшно! Улыбнись и классного сегодня! Море поцелушек и обнимашек!»

Это были утренние приветствия, каждый день новые, бодрящие, радующие, согревающие, заряжающие позитивом, любимые и долгожданные. Они были практически каждый день, иногда не посылаемы в выходные, но я и несильно ждала: все-таки семья превыше всего, и я это знала и понимала, и не пыталась в этом плане что-то менять, меня это положение дел почти устраивало, во всяком случае, я пока еще не задумывалась об этом чересчур глубоко.

Я наслаждалась его и своей любовью, и мне пока это-

го хватало, «потом» не существовало, было только «здесь и сейчас»: эти утренние приветствия, наполненные радостью и любовью, эти встречи, которые происходили один или два раза в неделю, нам было хорошо вместе, сладко в постели, как никогда и ни с кем не было, и задумываться о том, что будет завтра и нужно ли нам быть вместе навсегда, даже и не мечталось.

Тем более Саша четко объяснил, что из семьи никогда не уйдет, это не вариант, да, он любит Алису, и да, ему нужны эти отношения, но он может ей дать только встречи для занятий любовью и общение по телефону. Он не лезет в ее личную жизнь, не копается, с кем и как она была, и если она решит разорвать эти любовные отношения, он будет счастлив остаться хотя бы просто другом, хотя пока он не представлял, как это возможно, да и я тоже. Пусть будет как будет, идет как идет, я не хочу забегать вперед.

Небо хмурилось, весна была какой-то необычно дождливой и холодной, хотелось спать, но нужно было работать, несмотря на погодные условия и настроение.

Хотя очередной утренний привет зарядил солнцем и радостью, которая разлилась по всему телу и наполнила светом.

- *Я соскучилась*, – написала сообщение в ватсап.
- *Я тоже, очень-очень, когда увидимся?*
- *Давай попробуем завтра?*

– Давай, я очень за, у меня вроде завтра свободный день, если ничего не отменится и не запланируется другое, давай завтра.

– Хорошо, очень жду и скучаю, хочу, люблю!

– И я тебя, целую!

* * *

Ну что, остались последние дела в Москве закончить и «здравствуй, земля обетованная». Бывшей жене и дочке оставил все, что попросили, и постарались, насколько это возможно, расстаться миром, обещала зараза отпускать Ляльку хотя бы на каникулы к нему, конечно, она уже не маленькая и уже имеет свое мнение, куда ей ехать, а куда – нет, и отец для нее больше как каспомат, чем как родной человек.

Что-то он упустил в ее воспитании и в погоне за клиентами и в выстраивании своего доходного бизнеса, – думал Стас и мысли его не радовали, хотя он и был по натуре легкий и не берущий дурного в голову человек. Но с дочкой отношения как-то не сложились, она пошла в мать и все время принимала ее сторону, Лариса была обижена на него за невнимание.

Да и он женился, позарившись на красоту ее тела, и по статусу она ему подходила, а она хотела соединить два в одном: и любовь, и меркантильные интересы, а так не получилось, любви он ей почти и не дал, а только откупался шмот-

ками да подарками, а когда дела бизнеса пошли совсем плохо, пришлось затянуть пояс, Лорке это, естественно, не понравилось.

Начались скандалы, истерики, шантаж ребенком, хотя и до этого отношения у отца с дочерью были далеки от идеальных, а тут все стало совсем плохо.

Вот в этот момент Стас и решил, что пора продать то, что еще на плаву, чтоб получить хоть какие-то деньги и валить из страны – и лучше одному.

Он не озвучил это желание, но оно укоренилось у него в голове, а через какое-то время, он почувствовал, что у Лорки появился кто-то и она ищет новый плацдарм. Стас был тертым калачом и всегда умел устраиваться и устраивать свои амурные дела так, чтоб все были довольны. Он предложил ей дом и машину, за это она даст возможность видеться с дочерью, когда ему будет удобно, и развод без претензий.

А он начал продавать свои рестораны и перевел деньги на другие счета, чтоб, если она и захочет все делить, этих денег не увидела бы никогда.

Благо Лорка оказалась не совсем дурой, а может, и воздыхатель был упакован и сказал: «Бери, что дают, и приходи ко мне», – это осталось тайной.

Все подписали и мирно разошлись, каждый остался при своих интересах. Было немного грустно, ведь это не маленький отрезок его жизни, женился он, конечно, больше из-за банального залета, так бы и не женился на красивой щучке

Лорке, но они прожили вместе пятнадцать лет. Конечно, верности, он ей особой не хранил, но старался не афишировать этого, да он смолоду не афишировал свои любовные похождения и всегда знал, как уйти от огласки и любовно распрощаться с очередной пассией. Лорка была не скандальной и неревнивой, во всяком случае, сцен и истерик не закатывала, они вполне мирно сосуществовали вместе, каждый живя в своем мире и в своем пространстве, пересекаясь на общих сборах, где с супругой быть обязан, ну и дома она старалась вести себя как заботливая жена.

Так что, если бы не кризис в бизнесе, может, и дальше бы так жили, да, без особой любви, но как-то привыкли друг к другу и вроде как надобности большой в смене не было. Но кризис повлиял и на финансовую сторону жизни, и коснулся и домашних дел, и оголил главную причину их совместного бытия, если деньги их соединяли, то теперь они их разъединили, и придется начинать все заново. Ну что ж, это вызов, а Стас не боялся вызовов, да и почему нет, здесь уже ничего не держит: родители умерли, друзья как-то разбежались, а в Израиле новая платформа и для бизнес-планов, и для новой свободной жизни, денег на первое время хватит, а там видно будет.

Инга и Саша радушно предложили свою помощь, и он постарается не злоупотреблять их гостеприимством, все-таки они живут в обычной четырехкомнатной квартире вчетвером, и дети уже достаточно взрослые, чтоб долго оставаться

в одной комнате и предоставлять гостю свою комнату и кровать, он это прекрасно понимал, но хотел все-таки лично посмотреть на все, что ему предложат маклеры, и уж потом снять себе квартиру. Они часто говорили по скайпу с Ингой, она не сильно изменилась со школы, хоть и прошло уже так много времени, в ней сохранилась девичья осанка и то спокойствие, и отстраненность, которое ему так нравилось когда-то. Она не жеманничала и не заигрывала, она скорее вела себя как друг, чем как симпатичная женщина, она как будто не осознавала своей привлекательности и притягательности, а может, она была так притягательна только для него, потому что недоступна. Он гнал эти мысли от себя, ему нравился Саша, действительно хороший мужик и явно любит Ингу и заботится о ней, и она его любит, даже какой-то собачьей любовью, ему даже становилось завидно, когда он видел, как они переговариваются, чтоб правильнее ответить на его вопросы.

Было видно, что они друзья и понимают друг друга и с полуслова, и с полувзгляда, но страсти между ними нет, он всегда чувствовал эту искру между мужчиной и женщиной, но они вместе уже больше двадцати лет, возможно, все страсти давно утикли, уступив место спокойной любви и дружбе. На его сторонний взгляд это была хорошая платформа для семьи, и они ему нравились, и ему было легко общаться с ними, как будто знакомы сто лет.

– *Привет, ты на тренировке?* – написала я и отправила сообщение в ватсап.

– *Да, уже заканчиваю, выхожу из душа, а ты?*

– *Да, я тоже, сегодня просто порвали нас.*

– *Береги себя, для меня.*

– *Стараюсь.*

– *Целую.*

– *И я тебя.*

В этот момент у Саши зарябило в глазах и в груди разлилась боль, он из последних сил нажал на кнопку вызова.

– Алло! Саша? Саша?! – в трубке он услышал сначала обычный, потом немного настороженный и испуганный голос жены. – Саша, что случилось, где ты, почему ты не отвечаешь мне!?! – уже почти кричала Инга.

– Инга, – с трудом произнес Саша, – забери меня с качалки, мне плохо, – он с трудом ворочал онемевшим языком, не узнавая своего еле слышного голоса. «Хорошо, что я успел одеться после душа, – пронеслось в голове, – а то бы пришлось забирать голым».

– Я буду через 10 минут! – прокричала Инга и отключилась.

Саша чувствовал, как боль заливает грудину и отдается в левой руке. Инфаркт – подумалось ему – надо выползти

из раздевалки, а то Ингу сюда не запустят. Он, с трудом переставляя ватные ноги, вышел в коридор, ему показалось, что прошла уже целая вечность и Инга должна была его уже ждать, но часы показывали, что прошло от силы 5 минут.

«Потерпи немного, она сейчас будет тут», – он уговаривал свою боль и старался не отключиться, хотя перед глазами плыли черные круги.

Он прикрыл глаза и облокотился о стенку, тут кто-то проходил мимо и остановился возле него.

– Вам плохо? – услышал он мужской голос где-то сбоку.

– Да, – прошептал Саша, но даже он не услышал своего голоса.

Тут рядом с ним произошло какое-то движение.

– Саша! – громко сказала женщина голосом Инги.

– Это ваш муж? – спросил мужской голос.

– Да, – ответила Инга.

– Ему, кажется, плохо, надо вызвать скорую?

– Не надо, я сама его отвезу сейчас в больницу, тут десять минут езды, я на машине, помогите мне только довести его до машины, кажется, он уже не в состоянии идти.

– Может, все-таки скорую?

– Нет, не нужно. Саша, ты можешь идти?

– Я попробую, – прошелестел Саша все еще непослушными губами, но ему как будто стало получше. Он сумел подняться с пола, куда он просто сполз по стене, не без помощи мужчины, но смог. Потом был долгий проход к ма-

шине, медленный и осторожный, но они это сделали. Инга поблагодарила мужчину и погнала в ближайшую больницу, надеясь только на то, чтоб в приемном было не много людей. Она запарковала машину как можно ближе к приемному отделению, помогла вылезти Саше из машины, довела его до сидений и бережно посадила, сама побежала оформлять его и просить помощи: у них не было направления от врача, но в таком состоянии надо было вести сразу в больницу, а не искать дежурного семейного врача для направления.

Она заполнила все данные и села рядом с Сашей ждать, пока их вызовут, через 10 минут уже с их документами Сашу осматривал врач, медсестра мерила давление и брала кровь, задавали вопросы, где и как болит, что чувствует и пр. Через полчаса Сашу переодели в больничную одежду и отвезли на кардиограмму. Дали таблетку и подключили к капельнице, все было быстро и слаженно, без лишних движений и ненужной беготни. Инга немного успокоилась, Саша был доставлен вовремя, и с ним все будет хорошо, она ужасно переволновалась за него, последнее время они были частыми гостями в больнице: то сын, то дочь, которые занимались спортом и частенько травмировались. У Инги тоже было с детства неважное здоровье, и она уже привыкла к поездкам по врачам, но Саша всегда был здоров как бык, даже простывал очень редко и, даже когда болел, никого никогда ничем не обременял, он как стойкий оловянный солдатик – все переносил на ногах и обо всех заботился, не давая нико-

му заботиться о нем.

Сейчас пришло его время принять эту заботу. Он мирно спал после всех процедур, Инга устроилась в кресле. Дети были оповещены о том, что родители остаются на ночь в больнице, дочь порывалась приехать, но Инга попросила не сегодня.

– Лучше завтра, все равно уже не приемное время, идите спать, завтра все будет более ясно. Спокойной ночи, Карин, дай мне Эрика. Эрик, сынок, идите спать. Да, папе уже чуть лучше, он уже спит. Думаю, нам уже завтра все скажут, что у него и как лечить и что делать, да, подозрение на инфаркт, но мы очень вовремя приехали и все будет хорошо. Нет, папа не умрет, не сегодня, я тебя целую, ложитесь спать.

Инга вернулась в палату и посмотрела на спящего мужа, до нее только сейчас дошло, что она могла его потерять, вот так вот в одночасье, только днем они говорили, а вечером... она даже мысленно этого не хотела произносить, он не может покинуть ее.

Как она без него? Она не справится без него, он всегда был для нее всем, ее защитой и опорой, он не может так просто уйти от нее, оставив ее одну здесь. Слезы скатывались по щекам, она даже не чувствовала, что плачет, пока слеза не скатилась и не упала на руку.

– Не уходи от меня, – прошептала она. – Ты мне нужен. Я без тебя не могу. Мы совсем пропадем без тебя. Господи, пожалуйста, пусть он выздоровеет и станет все как прежде,

не забирай его от нас. Господи, я прошу тебя!

Саша заворочался во сне, Инга тихонечко отпустила его руку, чтоб не тревожить его сон и не разбудить его случайно, ему нужно поспать, сон – лучшее лекарство. Она вернулась в кресло, укуталась в плед, который ей дала медсестра, и попыталась заснуть – ей разрешили сегодня переночевать рядом с ним, она готова была как собака спать у его ног, лишь бы он выздоровел.

* * *

Почему день, когда убираешь, стираешь, готовишь, называется выходным?

Я обожаю пятницу и субботу, можно выспаться, конечно, приходится в пятницу будить детей в школу, но потом можно еще поваляться, но все равно домашние дела остаются на повестке дня, и их надо делать и ничего с этим не поделаешь.

Дети, конечно, помогают, но из-под палки, поэтому я, конечно, предпочитаю, сделать все домашние дела до их прихода из школы, а потом еще успеть на йогу, если ничего другого не происходит и не надо куда-то ехать. Так что, понежившись в постельке, я пошла умываться и делать себе завтрак, включила телевизор и под «Модный приговор» проглотила яичницу и запила ее стаканом сладкого чая, немного повалялась на диване, полистала интернет.

Сообщений от Саши не было со вчерашнего вечера, но я

несильно ждала, так как в выходные он не всегда мог писать, если не получалось, хотя он старался хоть несколько строк черкнуть, хотя бы поздороваться в его стиле.

Он мне не рассказал, куда они планируют на выходные, но по-моему какие-то планы были, вроде как к ним их друг должен был приехать, это по-моему уже в эти выходные, в общем, я старалась несильно ждать и несильно думать, где он и что с ним, благо своих дел всегда хватало – я старалась не превратиться в классическую любовницу, которая не живет, пока ожидает любовника, а только ждет и живет его жизнью.

У меня хватало всяких разных дел, да и друзья и дети заполняли мое время, а уж в рабочее время весь этот круговорот усугублялся, и я начинала бегать как белка в колесе, но еще и успевать отвечать на его сообщения и встречаться с ним.

Включив музыку, начала делать уборку, несильно люблю я это дело, но выхода нет, за неделю квартира так захламляется, что без этой хотя бы раз в неделю уборки, даже спустя рукава, никак нельзя, так что хочу не хочу, а делаю. Поставила стирку, раскидала вещи по местам, я иногда себя чувствую волшебницей, когда после моих манипуляций квартира начинает снова сиять чистотой и порядком, хотя это ненадолго: уже в первый рабочий день она становится снова как была до уборки, а иногда даже более замусоренная.

Почему нельзя сохранить результат, нажав на кнопку «со-

хранение»? Я думаю, все хозяйки мечтают о такой кнопке, а впрочем, и хозяева. Мужчины, конечно, не склонны к такой чистоте, как женщины, хотя мужчины бывают разные, как, впрочем, и женщины.

Мне встречались мужчины, которые были дикими аккуратистами и не приемлели ни одной пылинки, а уж унитаз обязан был сверкать чистотой, и так же встречались женщины, в доме которых ногу не было где поставить от валяющихся вещей и бардака и нужно было еще постараться, чтоб найти чистое место и присесть.

Я не была сильной аккуратисткой, но и совсем неряхой тоже не была, поэтому каждую пятницу я наводила порядок и делала все домашние дела, пятница был день уборки, стирки, готовки.

Ну а в субботу мы уже отдыхали по полной: спали, сколько душе было угодно, если не нужно было куда-то ехать, чаще всего наши выезды на природу начинались в 9—10, чтоб было приятно гулять.

Но в эту субботу мы поехали с детьми и друзьями в кино, фильм подошел и взрослым, и детям: был какой-то очередной экшен и все получили массу удовольствия. Поели мороженое и разъехались по домам.

Вот и выходные подошли к концу, завтра начинается рабочая неделя.

Я в очередной раз посмотрела на телефон. Почему он не пишет?

Уже 12 дня, обычно он присылал мне утреннее сообщение максимум до десяти утра, я уже вся извелась, за выходные ни строчки, но я несильно волновалась, конечно, необычно, но возможно.

Но чтоб в воскресенье и тишина – это в первый раз, у меня начал болеть желудок от волнения и нервов, все сжималось в комок, так и до приступа гастрита недолго.

Где он? Тревога заполнила мое сердце, я старалась не брать плохое в голову, но в голове уже начали крутиться картинки, одна ужаснее другой.

В этот момент я поняла, что роль любовницы совсем незавидна, если с ним, не дай Бог, что случится, то я об этом даже не узнаю, ведь жена и дети не позвонят и не скажут: «Ваш возлюбленный больше вам не напишет, можете не ждать».

И что мне делать? По негласному договору я не писала ему первая только после того, как он сам напишет.

– Приветик, у меня были весёлые «выходные» в больнице... сейчас не очень могу писать, много людей вокруг.

– Что случилось?

– Был микроинфаркт, все еще в больнице, делают проверки, возможно, будет шунтирование, но, может, и без него обойдется, пока я здесь. Вокруг куча народу, не могу писать, целую.

– Выздоровливай, – только и смогла я написать, слезы на-

чали катиться по щекам.

Господи, только пусть он живет, я готова отказаться от него, вернуть его семье, только бы он не волновался и жил, пусть без меня, но пусть живет, он нужен своей семье, своим детям, я люблю его, но я без него смогу, а они – нет.

Пожалуйста, пусть он только живет и здравствует, пусть живет и будет здоров.

Я даже не могу к нему поехать в больницу, чтоб его увидеть, ведь там его семья и друзья, придется запастись терпением и ждать.

Господи, пусть он только выздоравливает, я готова отказаться от него, но только пусть он живет, он должен жить.

Как хрупка наша жизнь и как неисповедимы пути Господни, только вчера человек жил, любил, ходил на работу, занимался спортом, вел активный образ жизни, дышал полной грудью, а уже сегодня он на больничной койке, и дальше – неизвестность.

Как повлияет это на его дальнейшую жизнь, которая могла вообще прерваться, не окажи ему вовремя помощь? Остается только молиться, чтоб он выздоровел и чтоб быстро восстановился, он же еще молод и полон сил, он должен полностью восстановиться, хотя, конечно, жизнь уже не будет прежней, нужно будет пить аспирин для разжижения крови, нужно будет следить за нагрузками в спорте, секс – это тоже нагрузка на сердце, жена его не напрягала, а я замучила совсем, я готова уйти, только бы он жил и был здоров.

Эти мысли проносились в моей голове, я так хотела ему хоть чем-то помочь, хотя бы молитвой.

– Все будет хорошо, – прошептала я. – Все будет хорошо, он живой, и это уже чудо и счастье.

Он будет жить, столько людей любят и ценят его, он должен жить.

– Напиши мне, когда сможешь.

– Да, хорошо, просто сейчас все вокруг.

– Да, я понимаю, они переволновались за тебя. Что говорят врачи? Какие прогнозы?

– Прогнозы хорошие, буду в норме, главное потом соблюдать все предписания, диету.

– Да, конечно. А где это случилось?

– В качалке, успел жену вызвать, перед тем как совсем поплохело...

– Выздоровливай, мой хороший. Пиши, как только сможешь.

– Хорошо, целую.

* * *

Инга ехала в аэропорт. Саша лежал в больнице под наблюдением врачей, его уже стабилизировали, но все еще не выпустили, сказали, что еще подержат и все проверят досконально, возможно, будут делать шунтирование.

Приехали его мама с сестрой из другого города, дети тоже все время находились в больнице, как только выпадало свободное время, ехали в больницу и с ним сидели. Сашу не оставляли одного в палате ни на минуту, все очень сильно напугались за него и никак не могли поверить, что это он в больнице.

Инга ехала встречать Стаса, вот так вот получилось, что он прилетал, именно когда на него вообще не было времени и помочь они ему не очень-то и смогут сейчас, максимум – покажут куда идти и отвезут к месту, хотя ему, конечно, понадобится переводчик на первых порах, но, может, будет и русскоговорящий маклер.

«Как это все не вовремя, – подумала Инга, – сейчас совсем не до него, ну максимум, можно будет друзей попросить или Карин, она тоже сможет с ним сходить или съездить, куда нужно.

Припарковав машину, она быстро пошла в здание аэропорта, самолет уже должен был прилететь и с минуты на минуту Стас выйдет. Как только она подошла к месту встречи, пошла новая волна прибывших, и она увидела Стаса, высокого крепкого мужчину, он превратился из красивого юноши в очень импозантного мужчину, черные волосы, конечно, сильно поредели, и он был очень коротко стрижен, но ему это шло, он был в легкой курточке, светлых брюках, очень элегантен и совсем не помят после перелета. Она замахала ему рукой, когда он кинул взгляд в ее сторону, его глаза за-

зглись огнем узнавания и улыбка озарила его лицо.

– Здравствуй, Кривицкая! – наклонился, чтоб обнять и поцеловать в щеку.

– Ну здравствуй, Масарин, – улыбнулась Инга и тоже обняла его.

Он уже знал, что случилось с Сашей, Инга рассказала ему еще перед тем, как он вылетел, и он уже знал все их новые обстоятельства и не ожидал никакой помощи, скорее сам мог бы чем-то помочь, так как обладал прорвой времени.

– Инга, как там Саша?

– Вроде нормально, ну во всяком случае выглядит уже более здоровым, рвется домой, к работе и обычной жизни, но врачи пока не пускают, все еще проверяют, у него все-таки не совсем типичный случай. Он до сих пор был абсолютно здоров, всегда правильно питался, следил за весом, занимался спортом, не относился к группе риска, в семье нет сердечных больных, в общем, проверяют.

– Как ты сама с этим справляешься? Мотаешься, наверно, между домом и больницей?

– Да я нормально, конечно, устала от этого, тем более от тревоги за Сашу, но я в норме.

Они подъехали к их дому, она запарковала машину поближе к подъезду, вышли из машины, выгрузили все вещи и вошли в подъезд, они жили на четвертом этаже восьмиэтажного дома, поднялись на лифте наверх и, открыв дверь, вкатили вещи в квартиру.

– Проходи, осматривайся, располагайся!

Стас смотрел по сторонам, Инга начала показывать квартиру.

– Вот тут будет твоя комната, – указала на одну дверь. Открыв ее, он увидел односпальную кровать, стол и шкаф, обычная, вполне уютная комната, наверняка принадлежащая сыну, судя по аскетичному убранству.

– Вот тут ванна и туалет, вот это салон, там наши две спальни, вот это кухня, – они вошли в просторную отдельную кухню.

– Хочешь чего-нибудь выпить? Чай, кофе, может, чего покрепче – за твой приезд на землю обетованную. Не думала я, что мы тебя так встретим, думала, будет как-то порадушней и повеселей, – сказала она как-то невесело, и глаза наполнились слезами. Стас притянул ее к себе и обнял.

– Кривицкая, не раскисай, все будет хорошо, Сашка скоро оклемается и еще погуляем все вместе.

Он держал ее в объятиях, и она не отстранилась, а даже еще больше прижалась к нему, тихонько всхлипывая у него на плече.

Он повернул ее к себе лицом:

– Ну Инга, ну чего ты? Все наладится, – ее припухшие губы так манили, и она вся была такой беззащитно манящей и притягательной, что он просто потерял голову от жалости и желания к ней, и сам не заметил, как начал целовать ее, а она отзывалась на его поцелуи.

Она вообще перестала что-либо соображать – так ее оглушила волна, поднявшаяся в ней, такого с ней никогда и ни с кем не было, даже к Саше она такого не испытывала, при всей ее любви к нему она никогда не желала его, только принимала, и она даже не знала, что это такое, а это было просто дикое животное желание, которое было выше морали и норм поведения замужней женщины.

Стас почувствовал этот зов женщины, его женщины, и не смог противиться ему, это было дико и неистово, нежно и сладко, он целовал ее, освобождая от одежды, гладил ее красивое тело, он взял ее прямо в кухне на столе, и ей хотелось этого. Она истекала от желания и дикой истомы, он входил в нее снова и снова, и она желала, чтоб это продолжалось еще и еще, она чувствовала его, как никогда не чувствовала Сашу. Стас был ее мужчиной, его ключ подошел в замочную скважину ее дверцы, и она распахнулась ему навстречу, и они оба были не в силах этому противостоять – никакая мораль не властна над этим зовом плоти. Он придавил ее тяжестью своего тела, но даже это ей было приятно с ним.

– Что мы наделали, – прошептала Инга. – Как мы теперь Сашке в глаза смотреть будем? Какая я сука, он там из болезни выкарабкивается, а я тут с тобой. Как я могла?

Стас обнял ее и прижал к себе, заставив посмотреть на него.

– Не казни себя, случилось то, что случилось, и наверно, то, что должно было случиться еще в юности. Если бы это

произошло тогда, я бы тебя никуда не отпустил от себя, ты моя женщина, ты разве этого не поняла? Твое тело это знает лучше тебя, ты можешь закрыть на это глаза, ты можешь послать меня куда подальше, и я уйду, потому что не вправе разрушать вашу семью, но ты и сама знаешь, что ты моя женщина, а я твой мужчина. Наши тела не слышали голоса разума, они были когда-то одним целым.

– Что мы будем с этим делать? Я так не смогу, я так не умею, я никогда не изменяла мужу, он мой первый и мой единственный, он знает меня как облупленную, он увидит или почувствует, что со мной что-то не так.

– Ингуш, родная, ему сейчас немного не до твоих эмоциональных терзаний, тем более ты сейчас все время на разрыве и не такая, как обычно, он не заметит или отнесет это к ситуации в целом. Не казись, моя хорошая, я буду рядом, я помогу. Он притянул ее к себе и крепко поцеловал в губы, она размякла в его руках и как-то успокоилась.

Инга аккуратно высвободилась из его объятий и начала собирать вещи, потом молча, ничего не сказав, отправилась в душ. Стас не стал ее останавливать, он понимал, что ей надо это пережить. Он и сам был потрясен всем случившимся, он этого не планировал и не ожидал, это было сильнее морали, сильнее уважения и дружбы. Да, этому можно было воспротивиться и сдержать себя усилием воли, но он не смог и Инга не смогла, наверно, слишком много накопилось в них обоих, какой-то внутренней неустроенности и нелюбви дру-

гих людей, а правильнее сказать – не той любви, которая была нужна их телам, именно телам, а не душам.

Инга всегда была любима и любила сама, преданно и самоабвенно, даже можно сказать жертвенно, но ее тело при этом оставалось отстраненно холодным.

Что я наделала, как я могла, какая же я блядь, как я теперь буду Саше в глаза смотреть? Как? Зачем?

Мы разбудили вулкан, я никогда не думала, что во мне это есть, с Сашей я всегда была спокойной, даже в самые сильные оргазмы, это не было таким потрясением, как сейчас, тут я не могла сдерживаться, не соображала вообще, мое тело отделилось от головы, душа воспарила и вернулась, только когда мы оба кончили, это было что-то сверхъестественное, как будто память наших тел победила память нашего разума, и мы не смогли этому воспротивиться и не смогли этому помешать. Даже сейчас я хочу его так же сильно, и мой стыд не заглушает голоса плоти. Я не хочу думать, что будет дальше, я просто хочу этого мужчину.

В этот момент, как будто подслушав ее мысли, в ванну вошел Стас, он встал вместе с ней под струи теплого душа и начал медленно и страстно гладить ее тело, его губы слились с ее губами, вода стекала по их разгоряченным телам.

Мысль «что мы творим?» так и застряла на взлете, не останавливая и не охлаждая их действий.

Это было нежно, сладко, волнуяще, они могли слушать только свои тела, все остальное будет потом, не сейчас. Они –

два изголодавшихся по ласкам и нежностям животных – сливались в одно целое и исполняли танец страсти, это была именно страсть, но в то же время и любовь, любовь телесная, они плохо знали друг друга душевно, они не прожили вместе двадцать лет, у них мало общих воспоминаний, но их тела не знали об этом, у них была своя древняя телесная память, возможно, в прошлой жизни они любили друг друга и были вместе и сейчас наконец-то встретились.

Стас проводил языком по ее руке, посасывал пальцы, опускался ниже, прижимаясь к животу, целовал, гладил, входил неистово и даже больно, но это была сладкая боль, Инга извивалась и стонала, вскрикивала от очередного оргазма и замирала на мгновение, потом снова возрождалась и помогла и Стасу дойти до пика страсти, вода смывала и охлаждала, успокаивала их разгоряченные тела.

Инга подала Стасу полотенце и вышла из ванной. Как она будет в его присутствии теперь? Она его все время хочет, она ведет себя, как течная сука, у нее никогда не было такого, никогда она не чувствовала себя так с Сашкой, как бы он ни старался, какие бы позы они не принимали, какие бы медикаментозные препараты они не пробовали, он пытался и хотел разжечь ее страсть и превратить их телесный контакт в радость, но Инга почти ничего не чувствовала. Поначалу еще это было приятно, а потом после рождения детей вообще ее тело перестало отзываться, она решила, что она фригидна, и перестала себя мучить, даже из-за Саши.

Даже понимая, что она должна исполнять свой супружеский долг, она не могла себя пересилить, лишь иногда поддавалась на уговоры.

Как же многого я его лишила, ведь у него, наверно, есть своя женщина, с которой он чувствовал бы себя так же, как я со Стасом. Это я довела его до инфаркта, ведь он все носит в себе, молчит и ничего не высказывает, я только сейчас понимаю, какого это быть без настоящего телесного контакта. Пока я этого не знала, я и не хотела, а сейчас я не могу уже отказаться от этого, и именно со Стасом и только со Стасом. Как мы будем с этим жить, я не знаю, но моя жизнь уже не будет прежней.

Это уже случилось, и как бы я не казнилась, обратно не веротишь, и надо с этим жить.

* * *

Саша писал мне каждый день. Сначала я думала, что с его болезнью сразу закончатся наши отношения и ему станет совсем не до меня, ведь вокруг него все время люди: жена, дети, родственники, друзья и коллеги все время приходят и не оставляют его ни на минуту одного, а когда они уходят, его осматривают врачи или проводят процедуры и проверки.

Да и когда человек оказывается на пороге смерти, он пересматривает всю свою жизнь и свои взгляды на нее, тем более может проснуться совесть, ведь жена его, можно сказать,

от смерти спасла и все время рядом с ним, и он ей обязан.

Значит любовные истории могут оказаться по боку, а уж любовница – тем более.

Как же я скучаю по нему, как я хочу его видеть, хоть одним глазком бы посмотреть, прикоснуться, обнять, прижаться к нему, мне так его не хватает, это просто невыносимо. Почему в моей жизни всегда так: стоит только стать счастливой и любимой, и тут же что-то происходит, а ведь я была несказанно счастлива и купалась в этой любви, ходила и сияла, как идиотка, и Сашка сиял и загорался, как только видел меня, это ничем не передаваемое свечение глаз, счастье льется и вырывается наружу, хочется петь и смеяться, во-круг слышишь красивую музыку, отовсюду появляются стихи и песни со смыслом, которыми обязательно хочется поделиться с любимым, вот только вчера прислали еще одно, прямо в тему, стихотворение Анастасии Загодиной «На что мы тратим жизнь?!»

Лучше и не скажешь. Мы суетимся, бегаем, на что-то надеемся, что-то решаем, задумываем, загадываем, а независимо от нас может все измениться в одно мгновение, был человек – и нет человека, и он много чего еще не успел: ни полюбить, ни домечтать, ни подружить, и все его планы исчезают вместе с ним, а все, кто окружал его, остаются у его могилы с невысказанными словами, с неотданной нежностью и любовью.

Сашка не умер, конечно, он жив, и слава Богу, я даже го-

това была отказаться от него, только бы он жил, со мной или без меня, но только бы он жил.

Да, я люблю его, и да, он мне нужен, но я могу и без него жить, в моей жизни он пребывал очень недолго, хотя и очень ярко, он расцветил мою жизнь огнем и радостью взаимной любви, наверно, это в первый раз в моей жизни, когда любовь была действительно радостью, а не каким-то надрывом и раздраем, здесь все было ясно и понятно, сладко и нежно, как, впрочем, и должно быть в любви.

Просто в моей жизни такая любовь впервые, ну а сейчас все приближается к обычному сценарию, у меня любви без страданий не бывает, что со мной не так, уж не знаю. Если полюблю, то женатого, а если счастлива, то это ненадолго.

Но я не собираюсь впадать в уныние, в конце концов, все проходит, пройдет и это. И Сашка вернется ко мне, я это знаю. Если он пишет, значит, несмотря ни на что, его мысли и сердце со мной, ну а уж тело, когда придет в норму, тоже захочет меня, в этом я и не сомневаюсь.

Но вот когда он сможет? Потом ему нужно будет беречься от перенапряжения и излишних встрясок, а любовная история на стороне – это всегда стресс, хотя и радость. Если он останется только в семье с недающей женой, он лишится радости жизни, которая у него была, хотя если он не сможет, то тогда с женой они будут жить просто душа в душу: он не может, а она не хочет, тогда уже и никакие любовницы не нужны.

Вот такие мысли постоянно лезли в мою голову, я жутко скучала, мне его ужасно не хватало и морально, и физически, но работа и домашние хлопоты заполняли мое время.

Кус-кус, мой любимый рыжий кот, терся о мою ногу, как будто говоря: «Не думай ни о чем, все будет хорошо».

Я мыла посуду глядя в окно, слезы капали мне на руки, я даже не утирала их, пока не начала шмыгать носом. Кус-кус терся все сильнее, успокаивая меня, я опустилась рядом с ним, погладила влажной рукой, почесала за ухом, он приподнялся и лизнул мне щеку, я улыбнулась ему и взяла на руки.

Кус-кус не любит такие телячьи нежности, но тут просто затих в моих объятьях и молча сносил мою ласку, понимая, что мне сейчас это нужно, потом все-таки высвободился и спрыгнул. Немного успокоившись, продолжила мыть посуду. Раньше я терпеть не могла мыть посуду, для меня это была как каторга, в детстве я шла ее мыть, только когда была расстроена и надо было поплакать под шум воды, а сейчас мытье посуды, скорее, как релаксация: есть время побыть со своими мыслями, а иногда и поплакать, если очень хочется, сейчас я уже крайне редко плачу, как-то плаксивость – это не мое.

Мое – это улыбнуться, даже сквозь слезы, и идти дальше, несмотря на все трудности и препятствия, встречающиеся на моем пути. Вот и сейчас я хитро улыбнулась своим мыслям, придумав одну штуку. Если все получится, я пора-

дую и себя, и Сашку.

* * *

Саша лежал в больнице, вокруг него все время толпилось много людей, жена уговорила медперсонал, чтоб ее не выгоняли на ночь, и спала в кресле, и сколько бы он ее не уговаривал ночевать дома, она ночевала у него, только уезжая домой переодеться и помыться, а еще помочь Стасу с выбором квартиры, он жил в их квартире с Карин и Эриком.

Карин помогала ему с переводами в разных инстанциях, а он помогал им – Эрику с уроками. Эрик учился в 9 классе, максимум, что Стас мог, – это объяснить физику и математику, ну и по-русски, конечно, иврита он пока не знал, дети помогали ему с ивритом.

Стас хотел как можно скорее снять квартиру и переехать, чтоб не мешаться семье в такое непростое время, но получилось так, что он стал помогать и по хозяйству, и с детьми, пока Саша был в больнице и все семейство моталось туда-сюда, некому было даже приготовить еду, и Стас взял эту задачу на себя, не зря же он был ресторатором и очень неплохо умел готовить.

Саша сам попросил его помочь им, когда он был у него в больнице, и присмотреть за детьми и Ингой, которая между всеми разрывалась.

Стас и сам бы с удовольствием присмотрел за Ингой: по-

сле того безумия в день его приезда им почти не удавалось побыть наедине, Инга все время под любыми предлогами брала кого-то из детей, когда нужно было увидеться, или вообще поручала его Карин. Он понимал ее смятение и испуг и понимал, что это долго не протянется, когда-нибудь им придется объясниться или оставить все как есть и ничего не менять.

Но он не хотел ее потерять совсем, он готов был быть хотя бы просто другом, хотя это невыносимо, так хотеть женщину и не иметь возможности даже прикоснуться к ней.

Но она должна с этим как-то свыкнуться и примириться, измена не всем дается легко, тем более она действительно любит Сашку и действительно предана ему, но что поделать, если она Его женщина, именно Его, в физическом плане. Они созданы друг для друга, и их тела это знают, и все равно это свершится еще.

Он в этом даже не сомневался, хотя и уважал Сашу, но это совсем другое.

Он не будет на нее давить, она сама должна решить, как и что, а он лишь примет все как есть, хотя все равно будет за ней наблюдать, хотя бы издалека, но будет, он не может ее потерять совсем. Он был кретином, что упустил ее в юности, а ведь она ему так нравилась, что сейчас он понял, что его к ней влекло и он даже решился пригласить ее на танец, и тогда он хотел ее пойти провожать, но драка помешала его планам. Уже тогда он чувствовал эту магическую вибрацию

между ними. Они оба были неопытны и еще не понимали этого зова, но он был.

Недаром он всегда наблюдал за ней издали, боялся, что она отвергнет его, при всей своей привлекательности он, как все мужчины, боялся отказа, а она производила именно такое впечатление – недотроги.

А она и была недотрогой, даже Саша не смог ее разбудить, она ждала именно его, в чувственном плане она была практически девственна, и он это ощутил, да и она ему потом призналась, что никогда такого с Сашей не испытывала, а он был ее первым и единственным мужчиной.

«Инга, моя девочка, моя спящая красавица», – подумал он с нежностью.

* * *

Саша лежал в палате, кто-то постоянно заходил и выходил, а он думал об Алисе, каждую свободную минуту пытаясь отправить ей сообщение, он прекрасно понимал, как она волнуется за него и как сходит с ума от того, что нет возможности его увидеть и к нему приехать.

Он закрывал глаза и видел ее улыбающееся лицо и сияющие от любви глаза. Инга тоже любила его, но это была другая любовь, какая-то собачья преданность, но не та любовь, которой его любила Алиска и которой он любил ее.

Когда они начали встречаться с Ингой, ни о какой люб-

ви не шло и речи: они были в одной компании, симпатизировали друг другу, потом как-то незаметно для самих себя стали парой, так как он жил рядом с ней и каждый раз, расходясь домой, он шел ее провожать. Она была интересной девчонкой с хорошим чувством юмора, им было интересно друг с другом, были общие темы, общие друзья, она нравилась ему, он к ней привык. Незаметно для себя их отношения переросли в романтические: когда однажды он провожал ее домой, Инга позвала Сашу к ней подняться на чашку кофе, у них все случилось, они оба были неопытны.

У Саши были сближения с девочками, до интима так и не доходило. Девчонки в этом возрасте игривы и соблазнительны, но в ответственный момент могут дать задний ход, а Инга была серьезна во всем и даже в этом подошла как-то ответственно и серьезно. Саше не с чем было сравнивать и спокойное принятие его Ингой расценил за желание и удовольствие, следующие разы были уже более приятными, и Инга была не такой отстраненной, иногда была веселой, игривой, хотя страстной ее трудно было назвать.

В один из вечеров, когда Саша уже на правах ее парня провожал Ингу домой, она остановилась и повернулась лицом к Саше:

– Саш, я беременна.

– Ты уверена!? Ты же говорила, что не можешь иметь детей, и поэтому не нужно предохраняться.

– Да, мне ставили такой диагноз врачи, говоря, что у меня

детская matka и я вряд ли когда-нибудь забеременею и рожу, но или врачи ошиблись, или это чудо, и я, естественно, буду рожать, несмотря на твое решение. Но я хотела, чтоб ты знал, ведь это и твой ребенок, я не вправе заставлять тебя жениться на мне или принять моего ребенка, я просто ставлю тебя в известность.

Конечно, в Сашины планы не входила ни женитьба, ни ребенок, он только поступил в университет, ему еще предстояло выучиться и потом пойти в армию, а тут такое известие. Он, конечно, растерялся, но он был честным и хорошим парнем.

– Инга, я, конечно, женюсь на тебе, и мы будем растить нашего общего ребенка вместе.

– Сашка, ты правда хочешь этого? – ее глаза засветились от счастья и восторга, а еще в них навсегда застыла преданность и уважение, что он не бросил ее и пройдет вместе с ней весь этот путь.

А путь, который по неопытности и молодости они избрали, был и правда не простым, но они справились вместе, все преодолели, сейчас у них выросла здоровая и красивая дочь, и Саша никогда не пожалел о принятом им решении. Да, с Ингой не было страстной любви, и когда они поженились, это было скорее долгом, чем любовью, но Инга была хорошей женой и преданной подругой, и до поры до времени Саша считал, что этого достаточно.

Пока на его пути не встретила Алиса и не пошатнула все

его представления о любви и страсти. Сейчас, лежа в больнице, он вспоминал все моменты их близости и ужасно хотел все повторить. В этот момент зашла медсестра, он подумал, что начал сходить с ума, он все время думал об Алисе, что она появилась наяву: эта медсестра была одним лицом с Алисой, он даже потер глаза, чтоб наваждение прошло, но оно не исчезло, а даже подмигнуло ему. Она вежливо попросила выйти всех из палаты и задвинула занавески.

– Сашка, это я! Ты чего так ошарашенно смотришь? Я уже не могла этого выносить и попросила подругу мне помочь с этим маскарадом, ну не зря мы с тобой как-то играли в медсестру и больного. Помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.